

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-353-361

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ЛАХИН Даниил Николаевич,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
e-mail: lahin.daniil@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы наследования по завещанию в современной России. Авторы статьи исходят из того, что завещание остается центральным инструментом реализации частной автономии гражданина на случай смерти, однако свобода завещателя не имеет абсолютного характера и ограничивается требованиями закона, прежде всего правилами об обязательной доле, правами пережившего супруга, требованиями к форме и порядку удостоверения завещания. На основе анализа норм Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательства о нотариате, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации показано, что ключевой проблемой является поиск баланса между уважением к последней воле наследодателя и необходимостью защиты социально уязвимых наследников и добросовестного гражданского оборота. В статье приведены конкретные примеры судебной практики, демонстрирующие актуальные подходы к уменьшению обязательной доли, определению ее размера, оценке действительности завещания и разграничению наследования по завещанию и по закону в отношении различных объектов имущества.

Ключевые слова: наследование; завещание; свобода завещания; обязательная доля; недействительность завещания; совместное завещание супругов; нотариат; судебная практика; цифровые активы; наследственное право.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia)

LAKHIN Daniil Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
FSAEI HE "Sevastopol State University"

TOPICAL ISSUES OF INHERITANCE BY WILL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the theoretical and practical problems of inheritance by will in modern Russia. The authors of the article proceed from the fact that the will remains the central tool for the implementation of the private autonomy of a citizen in case of death, however, the freedom of the testator does not have an absolute nature and is limited by the requirements of the law, primarily the rules on the mandatory share, the rights of the surviving spouse, the requirements for the form and procedure for certifying the will. Based on an analysis of the norms of the Constitution

of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, legislation on notaries, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, it was shown that the key problem is to find a balance between respect for the last will of the testator and the need to protect socially vulnerable heirs and conscientious civil turnover. The article provides specific examples of judicial practice demonstrating current approaches to reducing the mandatory share, determining its size, assessing the validity of a will and delimiting inheritance by will and by law in relation to various objects of property.

Key words: *inheritance; a will; freedom of will; mandatory share; invalidity of the will; joint will of spouses; notary; judicial practice; digital assets; inheritance law.*

Часть 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации прямо гарантирует право наследования, а гражданско-правовой механизм его реализации раскрывается в нормах части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации [1; 2]. Внутри наследственного права именно завещание выступает наиболее концентрированным выражением частной автономии, поскольку позволяет гражданину самостоятельно определить круг наследников, объем их прав, судьбу отдельных вещей, имущественных комплексов, денежных средств и иных объектов гражданских прав после своей смерти [2, ст. 1118, 1119]. В доктрине справедливо подчеркивается, что завещание не сводится к простому распорядительному акту. Например, Ю.К. Толстой рассматривал наследственное право как правовой механизм продолжения имущественных связей личности после ее смерти, а завещание - как наиболее индивидуализированную форму такой преемственности [15]. Е.А. Суханов, в свою очередь, последовательно характеризует завещание как одностороннюю, строго личную сделку, в которой максимально проявляется диспозитивное начало гражданского права, но которое в силу социальной функции наследования не может быть безграничным [14]. Эти подходы сохраняют методологическую ценность и сегодня.

Современное состояние российского законодательства о наследовании по завещанию показывает двойственную тенденцию. С одной стороны, законодатель расширяет пространство для автономии воли: допустил совместные завещания супругов, наследственные договоры, усилил возможности нотариальной инфраструктуры и цифрового учета завещаний [2; 3; 4]. С другой стороны, судебная практика все чаще сталкивается с конфликтом между волей наследодателя и интересами обязательных наследников, пережившего супруга, кредиторов наследства, а также с вопросами действительности завещания, толкования его содержания и судьбы объектов, прямо не охваченных распоряжением наследодателя [6-13]. В этой связи актуальные вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации лежат не только в плоскости буквального толкования норм главы 62 ГК РФ, но и в сфере соотноше-

ния частного и публичного начал, формализма и справедливости, национального регулирования и новых имущественных реалий. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить основные проблемные узлы указанного института и показать, как они разрешаются в современной доктрине и судебной практике.

1. Завещание как форма частной автономии и пределы свободы завещания

Согласно пункту 1 статьи 1118 ГК РФ распорядиться имуществом на случай смерти можно путем совершения завещания или заключения наследственного договора; при этом завещание сохраняет классическое положение базового и наиболее распространенного инструмента наследственного планирования [2, ст. 1118]. Нормативная конструкция завещания построена вокруг нескольких ключевых признаков: личного характера, односторонности, строго формальной определенности, возможности свободного изменения и отмены, а также действия только после открытия наследства [2, ст. 1118-1130].

Принцип свободы завещания закреплен в статье 1119 ГК РФ. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определить доли наследников, лишить наследства наследников по закону, включить завещательные отказы и возложения, отменить или изменить ранее совершенное завещание [2, ст. 1119]. В этом проявляется частноправовая сущность института. Как отмечается в комментариях к разделу V ГК РФ под редакцией П.В. Крашенинникова, свобода завещания выступает специальным выражением общей свободы распоряжения имуществом, но реализуется в особом, посмертном и потому более формализованном правовом режиме [17].

Вместе с тем, свобода завещания не означает абсолютного господства воли наследодателя над наследственной массой. Уже сама конституционная гарантия наследования не сводится к защите исключительно завещательных распоряжений одного лица. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что право наследования должно обеспечивать справедливый и соразмерный баланс интересов наследодателя,

наследников и иных участников правоотношений; поэтому федеральный законодатель вправе вводить необходимые ограничения свободы завещания, если они преследуют конституционно значимые цели [8].

Главным ограничителем свободы завещания выступает институт обязательной доли. В силу статьи 1149 ГК РФ несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону [2, ст. 1149]. Научная литература традиционно оценивает обязательную долю как социальную коррекцию частной автономии. К.Б. Ярошенко и соавторы обоснованно указывают, что в наследственном праве принцип частной воли не может игнорировать обязанность защиты лиц, находившихся в реальной зависимости от наследодателя [18]. Г.Г. Черемных также подчеркивает, что обязательная доля является не исключением технического характера, а самостоятельной гарантией минимальной имущественной поддержки социально уязвимых наследников [16].

Практика показывает, что именно вокруг обязательной доли формируется наибольшее число наиболее сложных споров. Показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2019 г. № 5-КГ19-181. В этом деле наследодатель завещал все имущество супруге, однако дочь от другого брака, обладавшая правом на обязательную долю, претендовала в том числе на квартиру, где проживала вдова. Верховный Суд указал, что нетрудоспособность обязательного наследника сама по себе не исключает возможности уменьшения обязательной доли или отказа в ее присуждении, если передача спорного имущества лишает наследника по завещанию его единственного жилья, а обязательный наследник данным имуществом не пользовался и обеспечен иным жильем [9]. Тем самым Суд придал пункту 4 статьи 1149 ГК РФ реальное, а не декларативное значение.

Не менее важен и другой аспект - методика расчета обязательной доли. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 127-КГ21-15-К4 Суд указал, что при определении размера обязательной доли должны учитываться все наследники по закону, которые могли быть призваны к наследованию на момент открытия наследства, а не только лица, фактически участвующие в споре [10]. Эта позиция принципиальна: ошибка в определении круга наследников автоматически искажает размер законной

доли, а значит, и размер обязательной доли. Для нотариальной и судебной практики это означает необходимость более тщательного установления состава семьи наследодателя, наличия других детей, родителей, пережившего супруга, а также иждивенцев.

Следовательно, актуальность проблемы свободы завещания заключается не в абстрактном споре о приоритете воли наследодателя или интересов семьи. Реальная трудность состоит, на наш взгляд, в выработке критериев судебного усмотрения: когда допустимо корректировать волю наследодателя ради защиты обязательного наследника и, наоборот, когда интересы наследника по завещанию заслуживают большего внимания. Сформированная Верховным Судом линия показывает, что современное российское право постепенно уходит от автоматизма в пользу конкретной оценки имущественного положения сторон, характера пользования спорным имуществом и соразмерности вмешательства в завещательную волю [6; 9; 10].

2. Форма завещания, нотариальное удостоверение и проблемы действительности распоряжений на случай смерти

В российском наследственном праве требования к форме завещания традиционно строги. Это объясняется спецификой сделки, последствия которой наступают после смерти завещателя и когда возможность непосредственного выяснения его действительной воли уже объективно отсутствует. Именно поэтому законодатель связывает действительность завещания с письменной формой, нотариальным удостоверением либо с прямо названными законом исключениями, а также с соблюдением правил о свидетелях, рукоприкладчике, тайне завещания и дееспособности завещателя [2, ст. 1124-1129].

Научная доктрина в целом поддерживает такой формализм, но не как самоцель. Авторы постатейных комментариев и учебников по наследственному праву неоднократно указывали, что формальные требования служат одновременно трем задачам: подтверждению подлинности волеизъявления, минимизации постсмертных фальсификаций и обеспечению доказуемости содержания завещания [17; 18]. В этом смысле требования закона о форме выполняют охранительную функцию. Однако чрезмерно механическое отношение к формальным дефектам способно подменить выяснение действительной воли завещателя поиском случайных технических ошибок.

Именно против такого подхода выступает современная судебная практика. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 30

января 2018 г. № 24-КГ17-22 рассматривался спор, в котором бывшая супруга наследодателя пыталась оспорить завещание, ссылаясь, помимо прочего, на неточность в фамилии наследницы по завещанию и на состояние здоровья завещателя в момент совершения распоряжения. Верховный Суд не поддержал формальную аргументацию и указал, что сама по себе неточность в указании фамилии при возможности достоверной идентификации наследника не свидетельствует о недействительности завещания; кроме того, вопрос о способности завещателя понимать значение своих действий должен решаться на основе совокупности доказательств, а не предположений заинтересованных лиц [11].

Из этого примера следует принципиальный вывод: суды должны отличать существенные нарушения формы, подрывающие достоверность волеизъявления, от несущественных погрешностей, не влияющих на понимание последней воли. Иначе наследственное право превращалось бы в систему, где техническая ошибка нотариуса или описка автоматически уничтожают подлинную волю наследодателя. Такой подход противоречил бы самому смыслу статей 1131 и 1132 ГК РФ, требующих различать недействительность завещания и вопросы его толкования [2, ст. 1131, 1132].

При этом в практике остаются случаи, когда формальные нарушения действительно существенны. Показательно Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2024 г. № 16-КГ24-30-К4. Завещания были подписаны рукоприкладчиком, являвшимся отцом наследника по завещанию, что законом запрещено. Однако Верховный Суд сосредоточил внимание не только на нарушении требования к личности рукоприкладчика, но и на процессуальном аспекте: такое завещание не признается ничтожным автоматически, а рассматривается как оспоримая сделка; следовательно, к требованиям о признании его недействительным применяется годичный специальный срок исковой давности. Поскольку истец узнал о завещаниях, подал заявления нотариусу, но обратился в суд за пределами указанного срока, Суд признал пропуск исковой давности самостоятельным основанием для отказа в иске [12].

Это дело важно сразу по нескольким причинам. Во-первых, оно подтверждает, что в спорах о действительности завещания решающее значение имеет не только материально-правовая оценка допущенного нарушения, но и правильная квалификация вида недействительности - ничтожность либо оспоримость. Во-вторых, Верховный Суд последовательно подчеркивает приоритет специальных сроков исковой давности перед общим трехлетним сроком, что требует от потен-

циальных наследников высокой степени процессуальной дисциплины [12]. В-третьих, данная позиция стимулирует нотариусов и представителей сторон внимательно фиксировать момент, когда лицо узнало или должно было узнать об обстоятельствах, способных повлечь оспаривание завещания.

Нельзя игнорировать и проблему дееспособности завещателя. По пункту 2 статьи 1118 ГК РФ завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме [2, ст. 1118]. На практике именно посмертная оценка психического состояния завещателя становится одной из наиболее конфликтных зон. В таких делах суд должен избегать двух крайностей: презюмировать недействительность завещания из-за возраста, болезни или приема лекарств и, напротив, формально исходить из одной только нотариальной формы как безусловного доказательства действительной воли. Верховный Суд, как показывает дело № 24-КГ17-22, требует комплексной оценки медицинских документов, экспертиз, поведения завещателя и обстоятельств составления акта [11].

Таким образом, актуальная проблема формы завещания состоит не только в соблюдении предписаний закона как таковых, но и в выработке единых критериев существенности нарушений. В современных условиях убедительным представляется следующий подход: чем сильнее нарушение затрагивает аутентичность волеизъявления, тайну завещания, свободу формирования воли и возможность идентификации наследника или имущества, тем выше вероятность признания завещания недействительным; напротив, нейтральные технические погрешности должны преодолеваться средствами толкования, а не уничтожения завещания как юридического факта [6; 11; 12; 17].

3. Совместное завещание супругов: новые возможности и новые коллизии

Существенным этапом развития отечественного наследственного права стало принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ, которым в гражданское законодательство были введены институты совместного завещания супругов и наследственного договора [4]. С 1 июня 2019 г. российская модель наследования перестала ограничиваться только индивидуальным завещанием как единственной формой волеизъявления на случай смерти. Это изменение отражает объективный запрос на более сложные инструменты наследственного планирования, прежде всего в семьях, где значительная часть имущества находится в режиме общей совместной собственности супругов.

Совместное завещание супругов позволяет определить последствия смерти каждого из супругов, завещать как общее имущество, так и имущество каждого из супругов, установить иные распоряжения, не противоречащие закону [2, ст. 1118; 4]. Для практики это означает возможность в одном акте согласованно урегулировать судьбу семейного имущества, минимизировать риск споров между детьми от разных браков, пережившим супругом и иными наследниками. В теоретическом плане данный институт демонстрирует смещение от модели исключительно индивидуализированного завещания к модели координированного семейного наследственного планирования.

Однако законодательное нововведение породило и целый ряд вопросов. Во-первых, совместное завещание существенно меняет традиционное понимание завещания как строго индивидуального акта. Хотя каждый из супругов выражает собственную волю, правовой результат достигается через согласованное волеизъявление двух лиц. Поэтому часть доктрины указывает на смешанную природу такого акта и на необходимость более четкого разграничения совместного завещания, взаимных завещаний и наследственного договора [14; 17]. Во-вторых, остаются дискуссионными пределы изменения и отмены совместного завещания, особенно после смерти одного из супругов, а также вопрос о допустимости судебного контроля за действиями пережившего супруга, если его последующее поведение очевидно разрушает первоначальный наследственный план.

Серьезное значение для понимания новых институтов имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 14-П. Конституционный Суд рассматривал ситуацию, связанную с приращением долей оставшихся наследников по завещанию в случае смерти одного из наследников по завещанию до открытия наследства. Суд подчеркнул, что при толковании норм о приращении наследственных долей нельзя игнорировать действительную волю наследодателя и автоматически обращаться к конструкции выморочного имущества там, где воля завещателя указывает на иной распределительный замысел [8]. Хотя данное постановление напрямую не посвящено совместному завещанию супругов, его значение для современного наследственного планирования очевидно: при многофигурных завещательных конструкциях решающим должен оставаться смысл волеизъявления наследодателя, а не формальное срабатывание запасных механизмов.

Для правоприменителя совместное завещание особенно сложно в тех ситуациях, когда смерть супругов наступает в разное время, меня-

ется состав общего имущества, расторгается брак, возникают требования обязательных наследников или выясняется наличие незавещанного имущества. Закон устанавливает, что совместное завещание супругов утрачивает силу в случае расторжения брака или признания брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов [2, ст. 1118; 4]. Однако сама по себе эта норма не снимает вопросов о судьбе уже возникших ожиданий наследников и об объеме защиты интересов пережившего супруга, который полагался на ранее согласованный наследственный план.

С научно-практической точки зрения актуальной задачей является дальнейшая детализация правил о совместном завещании: о составе допустимых распоряжений, о соотношении с режимом совместной собственности супругов, о последствиях признания отдельных его частей недействительными, а также о методике его толкования. Представляется, что в ближайшие годы именно здесь будет формироваться наиболее динамичная судебная практика, поскольку институт еще не успел пройти стадию устойчивой стандартизации. Пока же общая тенденция сводится к одному: российское наследственное право постепенно переходит от простой модели «один завещатель - одно завещание - один момент открытия наследства» к более сложным многоуровневым конструкциям, требующим более точного законодательного инструментария [4; 8; 17].

4. Наследование по завещанию в отношении отдельных объектов имущества: недвижимость, земля, иностранный элемент и цифровые активы

Одним из наиболее конфликтных направлений правоприменения остается вопрос о том, как исполняется завещание в отношении отдельных объектов имущества, особенно если распоряжение касается недвижимости либо охватывает лишь часть имущественного комплекса. Формально завещание может распространяться как на все имущество, так и на его часть [2, ст. 1119, 1120]. Однако именно частичное распоряжение часто создает коллизии между наследованием по завещанию и по закону.

Характерным примером является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 г. № 87-КГ17-14. Наследодатель завещал жилой дом и гараж, но не распорядился земельным участком, на котором находились строения. Нижестоящие суды исходили из того, что доли в праве на землю должны автоматически следовать судьбе жилого дома. Верховный Суд занял иную позицию: земельный участок и расположенные на нем строения являются самостоя-

тельными объектами гражданского оборота, поэтому при отсутствии завещательного распоряжения относительно участка он наследуется на общих основаниях, то есть по закону [13]. Эта позиция имеет большое значение для нотариальной практики, поскольку разрушает распространенное представление о том, что судьба земли всегда полностью повторяет судьбу объекта недвижимости, находящегося на ней.

С практической точки зрения из дела № 87-КГ17-14 вытекает важная рекомендация: если наследодатель стремится передать недвижимый комплекс в едином хозяйственном режиме, он должен прямо указать в завещании как судьбу здания, так и судьбу земельного участка, права аренды, сервитутов и иных связанных прав. Иначе после открытия наследства возникает риск дробления имущественного комплекса между разными группами наследников, что объективно усложняет пользование имуществом и провоцирует длительные споры [13; 17].

Еще один современный блок проблем связан с наследованием имущества, осложненного иностранным элементом. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2024 г. № 12-П рассматривался вопрос о применении права к наследованию движимого имущества гражданина Российской Федерации, проживавшего и умершего за рубежом. Конституционный Суд указал на недопустимость такого толкования коллизионной нормы, которое фактически лишало бы российских наследников возможности оформить наследственные права в отношении движимого имущества только потому, что наследодатель проживал за пределами России [7]. Хотя постановление касается международного частного права, для наследования по завещанию оно имеет прямое значение: эффективность завещательного распоряжения зависит не только от его содержания, но и от того, насколько коллизионные нормы позволяют реализовать выраженную волю наследодателя на практике.

Наконец, быстро возрастает значение вопроса о наследовании цифровых активов и иных нематериальных имущественных объектов. Гражданский кодекс Российской Федерации относит цифровые права к объектам гражданских прав и допускает их участие в гражданском обороте при наличии специального законодательного признания [2, ст. 128, 141.1]. Однако специальная регламентация их посмертного перехода до сих пор фрагментарна. На уровне общих начал можно утверждать, что если цифровой актив обладает имущественной природой и не связан неразрывно с личностью правообладателя, он в принципе

может входить в наследственную массу. Но на практике наследники часто сталкиваются не столько с проблемой права, сколько с проблемой доступа: отсутствием ключей, паролей, данных о размещении актива в информационной системе, а также с пользовательскими соглашениями платформ, не рассчитанными на наследственное правопреемство.

Для наследования по завещанию это означает новую задачу: завещание должно становиться не только распоряжением о субъекте перехода имущества, но и инструментом описания цифровых объектов, способов доступа к ним и условий их администрирования. Иначе формально завещанный актив может остаться экономически недоступным наследнику. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства неизбежно должно затронуть вопрос о специальных правилах нотариального удостоверения распоряжений относительно цифровых активов, а также о допустимых механизмах передачи технической информации наследникам при соблюдении тайны завещания и требований информационной безопасности [2; 3].

5. Судебная защита наследственных прав и современные тенденции толкования завещаний

Наследование по завещанию как институт не может эффективно функционировать без развитых механизмов судебной защиты. Практика последних лет показывает, что суды все чаще отходят от упрощенного противопоставления «формы» и «справедливости» и стремятся сочетать уважение к последней воле наследодателя с охраной устойчивости гражданского оборота. В этом отношении значение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 трудно переоценить: именно оно задавало базовые ориентиры для разрешения наследственных споров, включая вопросы оспаривания завещаний, толкования завещательных распоряжений, обязательной доли и наследования отдельных видов имущества [6].

Современная судебная практика позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Первая тенденция - усиление роли конкретных обстоятельств дела при применении, казалось бы, формально определенных норм. Так, в деле № 5-КГ19-181 Верховный Суд потребовал от судов исследовать фактическое пользование спорной квартирой, имущественное положение сторон и реальную нуждаемость обязательного наследника, а не ограничиваться формальным установлением его нетрудоспособности [9]. Аналогично в деле № 24-КГ17-22 Суд исходил не из формальной опе-

чатки в завещании, а из возможности идентифицировать наследника и достоверно установить волю завещателя [11].

Вторая тенденция - развитие культуры точной юридической квалификации. Верховный Суд последовательно показывает, что наследственный спор нередко проигрывается не по существу, а из-за неверного выбора способа защиты. Дело № 16-КГ24-30-К4 демонстрирует это особенно ярко: даже при очевидном нарушении требований к личности рукоприкладчика истец не добился удовлетворения иска, поскольку ошибочно исходил из ничтожности завещания и пропустил специальный срок исковой давности для оспоримой сделки [12]. Для правоприменения это означает, что наследственное право требует от сторон не только доказательственной, но и высокоточной квалификационной работы.

Третья тенденция - повышение значения толкования завещания как самостоятельного инструмента защиты. Не всякая неясность в тексте завещания должна вести к признанию его недействительным. Суд, насколько это возможно, обязан реконструировать действительную волю наследодателя, используя содержание документа, сопутствующие обстоятельства, системное толкование его распоряжений и принципы наследственного права [2, ст. 1132; 6]. Такой подход особенно важен в тех случаях, когда завещание охватывает несколько объектов имущества, различных наследников либо составлено в условиях фактической семейной сложности.

Четвертая тенденция - расширение конституционного измерения наследственных споров. Конституционный Суд Российской Федерации все более заметно влияет на эту сферу, подчеркивая, что право наследования охватывает как свободу наследодателя распорядиться имуществом на случай смерти, так и право призываемых к наследованию лиц получить наследственное имущество в установленном законом порядке [7; 8]. Отсюда следует важный методологический вывод: любое толкование норм о завещании должно быть направлено не только на буквальное разрешение частного спора, но и на обеспечение реальной, а не иллюзорной осуществимости наследственных прав.

Названные тенденции позволяют сформулировать общий вывод о современном состоянии судебной защиты в рассматриваемой сфере. Российская практика постепенно движется к более содержательному подходу, в рамках которого уважение к завещательной воле соединяется с процессуальной дисциплиной, точностью квалификации и конституционно соразмерным балансом

интересов. Именно эта логика представляется наиболее перспективной для дальнейшего развития наследственного права.

6. Основные направления совершенствования российского гражданского законодательства и судебной практики

Проведенный анализ позволяет предложить несколько направлений дальнейшего совершенствования российского регулирования наследования по завещанию. Во-первых, требуется дальнейшая конкретизация критериев уменьшения обязательной доли. Пункт 4 статьи 1149 ГК РФ уже содержит необходимый потенциал, однако его применение по-прежнему во многом зависит от судебного усмотрения. Законодателю и Верховному Суду целесообразно развить более подробные ориентиры оценки: характер пользования спорным имуществом, наличие у обязательного наследника иного пригодного жилья, соотношение стоимости имущества и реальных жизненных потребностей сторон, длительность их связи с наследодателем [2; 6; 9; 10].

Во-вторых, нуждается в дополнительной нормативной настройке институт совместного завещания супругов. Следовало бы детальнее урегулировать последствия отмены и изменения совместного завещания, пределы защиты ожиданий пережившего супруга и наследников, а также порядок разрешения коллизий между совместным завещанием, супружеской долей и обязательной долей. Без такой конкретизации неизбежно сохранится высокий уровень неопределенности, особенно в семьях со сложным составом наследников [4; 8].

В-третьих, представляется необходимым развитие специальных норм о наследовании цифровых активов. Формально общие положения гражданского законодательства позволяют включать в наследственную массу имущественные цифровые объекты, но этого недостаточно. Требуются правила о раскрытии нотариусу сведений, достаточных для идентификации цифрового актива, о допустимых способах передачи наследникам ключей доступа либо инструкций, о соотношении наследственных прав и пользовательских соглашений платформ, а также о защите тайны завещания при использовании электронных сервисов [2; 3].

В-четвертых, следует продолжить унификацию судебной практики по делам о действительности завещаний. Особенно важно обеспечить единообразие в разграничении ничтожных и оспоримых завещаний, в оценке роли процессуальных сроков и в определении существенности фор-

мальных нарушений. Для гражданского оборота принципиально, чтобы потенциальные наследники и нотариусы могли предвидеть последствия той или иной ошибки при совершении завещания [6; 11; 12].

Наконец, важным направлением является повышение качества наследственного планирования на досудебной стадии. Нотариальная практика, опирающаяся на Единую информационную систему нотариата и реестры наследственных дел, уже создает организационную основу для более прозрачного оформления наследственных прав [3]. Однако потенциал нотариата как института профилактики споров используется еще не полностью. Чем более детально и профессионально составлено завещание, тем меньше вероятность последующего судебного конфликта.

Заключение

Наследование по завещанию в Российской Федерации продолжает оставаться центральным институтом посмертного распоряжения имуществом и одной из наиболее чувствительных зон пересечения частной автономии, семейной солидарности и публичного интереса. Современное российское право исходит из признания высокой ценности завещательной свободы, но одновременно сохраняет и развивает механизмы ее корректировки в целях защиты обязательных наследников, пережившего супруга, устойчивости имущественного оборота и конституционно значимого баланса интересов [1; 2; 8].

Судебная практика последних лет показывает, что наследственные споры уже не могут решаться на основе простых формул. Определения Верховного Суда Российской Федерации по делам № 5-КГ19-181, № 127-КГ21-15-К4, № 24-КГ17-22, № 16-КГ24-30-К4 и № 87-КГ17-14 демонстрируют переход к более содержательному правоприменению, где учитываются фактическое пользование имуществом, реальное имущественное положение сторон, вид недействительности завещания, сроки защиты права и специфика отдельных объектов наследства [9-13].

В числе наиболее актуальных проблем наследования по завещанию в настоящее время следует назвать: определение пределов свободы завещания и объема обязательной доли; критерии оценки существенности нарушений формы завещания; правовую природу и режим совместного завещания супругов; судьбу незавещанных элементов имущественного комплекса; коллизийные вопросы наследования имущества с иностранным элементом; а также отсутствие специальных правил о наследовании цифровых акти-

вов. Каждая из этих проблем свидетельствует о том, что наследственное право находится в стадии интенсивной адаптации к новым социальным и имущественным реалиям.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024).

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (в ред. от 20.02.2026).

[4] Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

[5] Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко».

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2025 № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1161 Гражданского кодекса Российской Федерации ...».

[9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 № 5-КГ19-181.

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2021 № 127-КГ21-15-К4.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2018 № 24-КГ17-22.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2024 № 16-КГ24-30-К4.

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2018 № 87-КГ17-14.

[14] Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права : учебник

/ отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2008. 496 с.

[15] Толстой Ю. К. Наследственное право : учебное пособие. М. : Проспект, 2000. 224 с.

[16] Черемных Г. Г. Наследственное право России : учебник для магистров. 2-е изд. М. : Юрайт, 2015. 516 с.

[17] Гражданский кодекс Российской Федерации. Наследственное право : постатейный комментарий к разделу V / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Е. Манылов и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014.

[18] Наследственное право / Б. А. Булаевский, А. Ф. Ефимов, В. В. Залесский и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. М. : Волтерс Клувер, 2005. 448 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended 08.08.2024).

[3] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 No. 4462-1) (as amended by 20.02.2026).

[4] Federal Law of 19.07.2018 No. 217-FZ "On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation."

[5] Federal Law No. 26.11.2001 of 147-FZ "On the Enactment of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation."

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 No. 9 "On Judicial Practice in Inheritance Cases."

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.03.2024 No. 12-P "In the

case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Statsenko."

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2025 No. 14-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1161 of the Civil Code of the Russian Federation..."

[9] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.2019 No. 5-KG19-181.

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.11.2021 No. 127-KG21-15-K4.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.01.2018 No. 24-KG17-22.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.12.2024 No. 16-KG24-30-K4.

[13] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2018 No. 87-KG17-14.

[14] Civil law: in 4 vols. 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights: textbook/rev. ed. E.A. Sukhanov. 3rd ed., Revised and add. M.: Wolters Kluver, 2008. 496 pp.

[15] Tolstoy Yu. K. Hereditary law: a textbook. M.: Prospect, 2000. 224 pp.

[16] Cheremnykh G. G. Hereditary Law of Russia: a textbook for masters. 2nd ed. M.: Yurayt, 2015. 516 p.

[17] Civil Code of the Russian Federation. Hereditary law: article-by-article commentary on section V/B. M. Gongalo, T. I. Zaitseva, I. E. Manylov and others; ed. P.V. Krasheninnikov. M.: Statute, 2014.

[18] Hereditary law/B. A. Bulaevsky, A. F. Efimov, V. V. Zalesky and others; resp. ed. K. B. Yaroshenko. M.: Wolters Kluver, 2005. 448 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.